

ПРЕДИСЛОВИЕ

*«...от птичьего шеврона до лампаса полковника
всё погрузилось в дым. О, город Ришелье и Де-Рибаса!
Забудь себя, умри и стань другим».*

*Валентин Катаев,
«Алмазный мой венец»*

Птичьим шевроном поэт назвал трёхцветную ленточку, нашитую на рукаве белогвардейского офицера в форме ижицы или римской пятёрки, напоминая условное изображение птички, так сказать, галочку.

Для акмеиста Нарбута («колченогий» в «Алмазном моём венце» — именно он, Владимир Нарбут), рождённого в селе Нарбутовка (что неудивительно) Черниговской губернии Российской империи, Одесса была городом Ришелье и Дерибаса. Ему простиительно. Опять же, «лампаса — Де-Рибаса», на что поэт не пойдёт ради рифмы на скорую руку. Чтобы очаровать младшую из сестёр Суок — Серафиму. У которой бурный роман с Юрием Олешей. Уведёт её Нарбут у Олеша уже в Харькове. Впрочем, Олеша, написав «Зависть», сделав прототипом Нарбута, женится на другой сестре, Ольге Суок. Все три сестры Суок окажут сильное влияние на русскую литературу, если можно так выразиться. Отчего же нельзя? Лидия Суок была женой Эдуарда Багрицкого. Серафима, конечно же, была шустрее всех в смысле влияния на русскую литературу. Читайте «Алмазный мой венец», там милая Сима выведена как «дружочек».

Я же родилась в Одессе. Потому для меня Одесса — город и Александра Фёдоровича Ланжерона, и город Михаила Семёновича Воронцова, и город Григория Григорьевича Маразли. Город Владимира Александровича Молодцова (Павла Владимировича Бадаева). Город Козыря Павла Пантелеевича. Стоит признать: ни один из названных мною здесь выдающихся одесситов не родился в Одессе.

Я родилась в советской Одессе, в 1971 году. Я много писала о родном городе в самых разных книгах. И в «Большой собаке», и в «Коммуне», и в «Вишнёвой смоле», и в «Папе», и в «Первом после Бога». И в «Моём одесском языке» и «Одесском фокстроте».

«Отрада» — авторский сборник, в который вошли избранные эссе как раз из «Моего одесского языка» и «Одесского фокстрота». И конечно же, я написала новые. Немного, но не в моих правилах совсем ничего не написать в книгу, выходящую под другим названием.

Разумеется, ещё лет через двадцать — двадцать пять я непременно напишу об Одессе. Валентину Петровичу Катаеву было, кажется, семьдесят пять лет, когда он написал «Разбитую жизнь, или Волшебный рог Оберона». Мне всего пятьдесят один, стоит подождать.

В конце концов, я не была в Одессе десять лет.

Сейчас, когда я пишу это предисловие, на дворе 2022 год, август. И повторю: я не была в Одессе десять лет.

Да и не было запрета,
Проездной купив билет,
Вдруг туда приехать летом,
Где ты не был десять лет¹.

Для меня невозможность попасть в место рождения не была столь ошеломительной, как для Александра Трифоновича Твардовского. Въезд на Украину мне запрещён с 2014 года.

¹ А. Т. Твардовский, «Василий Тёркин».

И этот запрет всё ещё действует.

Я ограблен и унижен,
Как и ты, одним врагом.

<...>

Я стонать от боли вправе
И кричать с тоски клятой.
То, что я всем сердцем славил
И любил, — за той чертой¹.

Да, я любила (и люблю), славил (и славлю) город Одессу, дитя Российской империи. Мне невыносимо больно смотреть, как уничтожают всё русское. Одесса — русская. Уничтожить русское в Одессе равно уничтожить Одессу.

Это невозможно, пока я жива. Пока я жива, жива моя память, живо моё время и, значит, жива моя Одесса. Как жива Одесса Воронцова, Маразли, Катаева, Козыря, пока я знаю и помню о них. Жив Молодцов-Бадаев, жив Яша Гордиенко, пока я знаю и помню о них.

Живо время, пока мы передаём его друг другу.

Эссе и очерки «Отрады» написаны в разные годы. Что-то пятнадцать, что-то десять лет назад. Старые тексты я слегка отредактировала, но ничего не стала в них менять, не имею права. Кое-что я написала сейчас.

Я не хочу включать в «Отраду» ничего из того, что я писала в 2014 году. Это не значит, что я забыла. Я доживу и напишу, я дождусь и опубликую. Я не предаю ни память, ни время, ни Одессу. Я не предаю правду.

Я не стала ничего менять даже в эссе «Доброе утро, Одесса!», написанном в 2010 году. Святой Джонатан Свифт! — как мне хотелось высмеять это чёртово «дно нэзалэжности», но тот, кто концентрирует время и память, не имеет права что-либо переписывать задним числом, плодя ложные воспоминания и глупое враньё.

¹ А. Т. Твардовский, «Василий Тёркин».

Аллюзии на аллюзии — не мой метод. Что было, то было, и этого не исправить, не передумать, не представить себя задним числом пророком. Тогда и там ты думала так и никак иначе. Да, многое изменилось. Но память — это не просто помнить что-то и соизмерять на предмет того, как мы могли ошибаться. Память — это чтобы снова и снова убеждаться, что мы не вольны. Не вольны в иных поступках и не имеем никакого права менять прошлое. Особенно если мы были слишком легкомысленны к тому, что «к Западу от нас когда-то была фашистская страна».

Когда я пишу это предисловие, она всё ещё есть. И я не вольна вернуться в Одессу.

Но никто не может запретить мне помнить. И пока Господь не скажет: «Хватит!» — и не выключит в моей голове свет, я буду помнить и буду рассказывать тем, кто хочет знать.

Я верю в это, так и будет: я ещё пройду по Отраде. И выпью шампанского и выкурю ментоловую сигарету. Хотя, признаться, терпеть не могу ни первое, ни второе.

ОТРАДА

Канатную дорогу построили в год моего рождения. Мавританская арка появилась здесь много раньше, в начале двадцатого века.

Наш тренер говорил: «Сегодня бежим на дачу Ждановой».

И мы бежали в Отраду. Над головой была Канатная дорога, а мы бежали к футбольному полю. Полтора часа разминки — и только потом к морю. А потом снова бегом вверх. Над головой — Канатная дорога.

На собачью площадку — занятия ОКД — пешком, с доберманом на Канатную дорогу не пускают. В яхт-клуб — пешком. Не помню почему.

Первый раз Канатной дорогой я воспользовалась в десятом классе. Пошли праздновать последний звонок в «Отраду». Втроём впахнулись в кабинку: я, Танька и Вовочка. Как нас пустили втроём? На полпути кабинка остановилась. Крепкий ветер раскачивал кабинку. Вовочке амплитуда показалась недостаточной. На что Танька возопила о нежелании погибнуть девственницей. Вовочка предложил свои услуги. Истерически хохотали, по дороге выяснив, что все мы девственники. Опечалились. Но лишь на мгновение. Кабинка тронулась.

Сидели на скамье с видом на море, в белых гольфах, фартуках и бантах (Вовочка в белой рубашке). Курили ментоловые сигареты "More", пили шампанское. Молчали. Грустили. Внезапно с воплем «Радоваться надо!» Вовочка сорвался с места. Взял напрокат водный велосипед. Разумеется, под школьной формой у нас были купальники. Уйдя далеко за волнорез, купались, курили "More", шампанское кончилось ещё на берегу. Решили позагорать. Было солнечно и ветрено. Хорошо. Опомнились, когда нас отнесло в акваторию порта. Крутили педали, как приговорённые. Мы с Танькой менялись, Вовочка отдавался по-честному, по-мужски. Положение левентик¹. Подойдя к волнорезу, тащили морской велосипед вручную. Изрезали ноги о мидии. Утопили "More" в море. Вместо арендованного часа прокатались пять.

Вовочка купил пачку «Родопи».

Не хотели расходиться.

Не помню, почему оторвались от остальной компании.

Долго гуляли по городу, но последний звонок запомнился не школьным двором, не колокольчиком и не речами. Канатной дорогой, морским велосипедом и ментоловым морем.

Пироговская, дом 3 — детский одесский адрес Валентина Петровича Катаева: «...у нас в *Отраде*».

К Отраде ведёт улица Пироговская. На Пироговской улице — Военный госпиталь, клиническая база одесского медицинского института. С занятий — в «Отраду». Из «Отрады» — домой пешком. Через Куликово поле. Голубые ели, платаны, липы, пирамидальные дубы. Брусчатка, бетонный Ленин у обкома партии. Позже обком перенесли в новое здание на проспекте Шевченко. Коммунистическая партия переехала в футуристический «кубик». А в монументальный советский ампир переехали профсоюзы.

¹ Левентик (от фр. le vent) — положение, когда ветер по отношению к судну дует практически точно спереди.

Одесский Дом Профсоюзов.

У Катаева было другое Куликово поле.

«Одна надежда была на Куликово поле, куда выходили окна нашей квартиры. Куликово поле было уже застроено дощатыми балаганами, каруселями, перекидками, бугками со сладостями и рундуками квасников»¹.

Куликово поле Катаева — площадь пасхальных гуляний.

Наше Куликово поле — площадь Парада Победы.

Наше Куликово поле официально называлось «Площадь Октябрьской революции», но никто его так не называл. Мы ходили в Отраду через Куликово поле. Мы возвращались из госпиталя через Куликово поле.

Куликово поле после 2 мая 2014 года — сожжённая жизнь. Обгоревшие тела. Там и мой пепел. Огонь стирал мои образы на Куликовом поле.

Память не уничтожит моё время. Время не уничтожит мою память.

На пляже Отрада мы как-то выпили с однокурсницей бутылку водки. Она была девушка, она была влюблена. Она страдала по красавцу брюнету. Я успела развестись с первым мужем. Её страдания выглядели диковато. Я не верила, что возможно так влюбиться, что слезами можно умыться. Была осень, мы пили водку, однокурсница рыдала, я курила «Клеопатру». Она не курила, она была девочкой из хорошей семьи. Я была девочка из обычной советской семьи. Она была девочкой из хорошей одесской семьи. Колоссальная разница, но мы подружились той осенью за той водкой. Прежде все девочки курса считали меня холодной и неприступной. Отчего же она выбрала меня в конфиденты? В горячей любви легче и безопасней признаваться тем, кто холоден.

¹ В. П. Катаев, «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона».

«...Он был навсегда излечен от своей неразумной страсти...»¹

Из нашего дома на проспекте Мира все ходили на Ланжерон.

Тренер спорткомплекса «Динамо» чаще всего гонял нас на пляж «Лермонтовки», Одесского санатория имени Лермонтова. Но в многотрудные дни футбола мы бежали в Отраду.

Футбол внушал мне страх и отвращение. Бить ногами по большому кожаному мячу, бегая по твердокаменному грунту под палящим солнцем, чихая от пыли и жмурясь, — сомнительное удовольствие. Особенно в смешанной команде, а девочки — в смешанной команде! — играют в футбол хуже мальчиков, и не стоит утверждать обратное. Бегать за мячом ещё терпимо. Ужасно, когда он волею случая оказывается рядом и тебе никак от него не убежать.

— Бей! Что же ты не бьёшь!

Ударяешь по твёрдому мячу, жаждешь, чтобы он летел, как у Марадоны. А подлый мяч кургузо отскакивает, едва-едва, словно не мяч, а ком глины, и слабо катится не туда. Тяжела я на суше.

— Мазила!

«А в общем, футболиста из меня не вышло»².

А я и не хотела быть футболистом. Я плаванием занималась. Но ОФП есть ОФП, без неё нет специализаций и квалификаций.

Какой же отрадой было после этого войти в море и плыть, становясь чистой, лёгкой, ловкой.

Какой отрадой была Мавританская арка «Отрады» (которую однокурсница из хорошей одесской семьи называла, как и тренер, дачей Ждановой). Моя «Отрада», свидетельница моих футбольных неудач, моих белых бантов, белых гольфов и белого передника, и белого халата студента медицинского института.

¹ В. П. Катаев, «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона».

² Там же.

Моя отрада — «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» Валентина Петровича Катаева. Которую так хорошо перечитывать дома, под Москвою...

МОЙ ОДЕССКИЙ ЯЗЫК

Мой одесский язык.

Язык акаций Амбулаторного переулка. Пламя тюльпанов, дух пионов, вечный песок в сандалиях и коленки в зелёнке. Чьи-то дети гуляют в садиках, а я гуляю на пляже. Я не знаю о детях в садиках, мне кажется, что все дети гуляют на пляже. Вы гуляете по пляжу? В моём детском языке я гуляю на пляже.

Шестнадцатая — не номер, а имя собственное.

В моём море есть рыба-игла, опасная рыба-петух и морской конёк. Потом их нет, потом снова есть, потом снова нет, но все мои остались в начале семидесятых двадцатого, в море на пляже Шестнадцатой. Я беру мидию. Все пальцы в мелких выбеленных порезах. Я расту в морской воде. За меня никто не боится. Я научилась плавать раньше, чем ходить и говорить.

— Ваша девочка слишком много время проводит в воде. Шо?.. Я говорю вам, ваша девочка слишком много время проводит в холодной воде! Шо?! Выньте ребёнка из воды, говорю вам! Нет, ну шо такое, а? Юра, я скажу вашей жене, куда вы смотрите вместо ребёнка, и вы больше никогда не будете видеть!

На моей Шестнадцатой все друг друга знают. Я принесла домой корнерота в огромном пакете с морской водой и выпустила его в аквариум с маленькими пресноводными рыбками.

— Вот точно так же к Заруцким приехал Николай Иванович не-много погостить, а они умерли все в том году. Тоже был неудачный опыт, а вы ребёнка ругаете! — резюмирует сосед.

Я долго плачу, потому что мне жалко корнерота и рыбок, а Заруцких не жалко, потому что — не мой неудачный опыт.

Шестнадцатая, и розовый куст, и виноград «Лидия», невкусный, сопливый, дед из него делает вино. Огромные десятилитровые бутылки, сверху по пробке обмазанные пластилином. На тёплом пластилине остаются отпечатки пальцев, если надавить. Я подрастаю, и в моём бездумном акациевом солёном языке появляется акцент цветущих свечек.

Мой одесский язык — язык каштанов за окнами. Проспект Мира, 34 — угол Чкалова. Центр Шестнадцатой Вселенной сменяется центром города.

— Таня, какие кактусы? Они здесь не выживут. Кактус любит пустыню. Не потому, что нет воды, а потому что — солнце. И хотя у нас в очередной раз нет воды не только после двенадцати ночи, а в очередной раз всегда, но у нас никогда нет солнца из-за этих каштанов. Скажи спасибо папе. Он — гуманист. Он не может поливать живое соляжкой, как все. Он даже права не смог получить, хотя дедушка купил нам машину. Теперь дедушка ездит на нашей машине, потому что твой папа пугливый гуманист! Так что можешь посадить бегонию, она может жить в темноте, как твой папа.

Налево из подъезда я хожу в сто восемнадцатую «привозную» школу. Из нашего адреса — проспект Мира, угол Чкалова — можно сразу выйти на Воровского. У нас тройной проходной двор.

— Детка, как жаль, шо ты не еврейка! Такая чудесная девочка — и не еврейка! Отличница, красавица — и не еврейка! Ты бы

могла выйти замуж за нашего внука, када вырастешь, но даже када ты вырастешь — ты не будешь еврейка! Это так нехорошо! Еврей может спать с русской, но он не может жениться на русской! Сёма, шо ты меня одёргиваешь, ради бога?! Она уже взрослая, у неё уже пионерский галстук! Такая хорошая девочка, умница, жаль, шо не еврейка, вы с Эдиком такая прекрасная пара, как жаль!

Мой одесский язык — широкий мраморный подоконник, прохладный в самую липкую жару. Ранним утром быстро-быстро по Долгой, но уже не по улице, а просто по долгой улице Чкалова. Карла Маркса, Ленина, Пушкинская, туберкулёзная улица Белинского, венерический переулок Веры Инбер, бесконечная лестница — и ты на Ланжероне. Тут белые шары, вернее, они — там, а ты купаешься тут, потому что тут в море есть заветный камень. Летним днём о нём знают все. Ранним осенним утром — только ты.

Вверх бесконечнее, чем вниз. Но ты же не будешь ныть, как Эдик? Эдик с бабушкой, а ты один на один с лестницей, извилисто ведущей на бесконечный верх. Низ наступает быстро, верху нет предела, только пот, потому что быстрее и быстрее, остановишься — всё! — будешь ныть в бетонные ступени.

Награда — холодный мраморный подоконник. Мрамор не так равнодушен, как бетон. С ним можно говорить. Кулёк «Театральных», «Тридцатилетняя женщина» Бальзака в синем. Моя русская мама, получившая хорошее образование, воспитанная на правильной русской речи, даже не замечает, как она говорит, надышавшись за много лет этим Городом. Для неё это уже естественно, выверенно, как атмосфера Земли естественна для гомеостаза млекопитающих. Вас в Москве отправляли гулять? Меня в Одессе отправляли «дышать воздухом», и не подумайте, что в квартире мы ходили в скафандрах из-за повышенной концентрации сернистых газов, доставленных нам в баллонах с Венеры.

— Не грызи, испортишь зубы. Не порть глаза, иди на улицу дышать воздухом!

Покорно плетёшься на улицу дышать городской пылью. Твой лучший друг — театральная тумба, обклеенная афишами. Когда-то там обязательно будет твоя фамилия. Та, которая будет твоей.

Пока у тебя нет той фамилии, что будет на афишах. Зато у тебя есть Твой Крест. Огромный крест в кроссовках, шерстяной юбке, кружевном жабо и с вечной авоськой. В авоське у Твоего Креста творог и ноты. За творогом Твой Крест ходит на Привоз, а ноты Твой Крест носит с собой всегда. Ты живёшь на пути пешего хода Твоего Креста с Привоза к себе домой. Но Твой Крест никогда не идёт к себе домой, пока не зайдёт к тебе домой. Имя Твоему Кресту — Каверзнева Надежда Викторовна. Ей мало истязать тебя три дня в неделю в ДМШ № 2, она ходит к тебе ещё и все остальные четыре. У Твоего Креста нет мужа, нет детей, нет внуков. Есть сестра в Москве и ты, маленький мученик с поцарапанным «Театральными» языком.

— Девочка совершенно бездарна. Совершенно. У неё не гнутся небеглые пальцы, и она не имеет никаких музыкальных способностей. Но я сделаю из неё музыканта. Девочка поразительно бездарна. Девочка гениально читает с листа. Вы знаете, как ваша дочь читает с листа?! Я никогда не поставлю ей больше тройки, я пошла к учителю сольфеджио и приказала её пятёрку исправить на тройку. То, что она в третьем классе пишет диктанты для второго курса композиции, ничего не значит, потому что у неё совершенно нет слуха. Она просто всё запоминает. Она помнит звук!.. Как ты сидишь?! Пока я говорю, или твоя мама говорит, или пока не закончится похоронная процессия папы римского, ты сидишь так, как я тебя учила, или сразу вставай и ложись, потому что если ты не сидишь так, как я тебя учила, нечего и начинать! Всем наплевать на твои желания, никому не наплевать на твою породу. Девочка, ты абсолютно бездарна, но у тебя есть порода. Ты будешь тем, кем захочешь, если будешь сидеть так, как я учила, и столько, сколько я скажу! Музыка тут совершенно ни при чём. Но я сделаю

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Отрада	9
Мой одесский язык	14
Дороги, которые не мы выбираем	21
Зелёный пыр-пыр	26
Ужасы рогатой козы	33
Неисчерпаемость	41
Пластилиновый член	46
Триумф воли	50
Народная читальня Маразли	58
Падший ангел Паша	74
Фельнер, Гельмер и Глазунов	82
Пале-Рояль	103
Дом, милый дом	113
Каток и «Море»	137
Солнечные пятна на асфальте	143
Александра Иосифовна	152
Четвёртый факультет Императорского Новороссийского университета	157
Мне не нравится этот город	165

Нет выбора	173
Трасса здоровья	186
На Тринадцатой Фонтана	212
Козырные сплетни	238
Доброе утро, Одесса!	247
Катакомбы	253
Шелковица	261